

Питирим Сорокин в США

А.А. Некрасов

В XX веке вследствие постигших ее потрясений Россия утратила значительную часть своего интеллектуального потенциала. Особенно велики были эти потери в связи с первой пореволюционной волной эмиграции.

Подавляющее большинство российских эмигрантов из интеллигенции были «выдавлены» из страны в годы гражданской войны, либо просто выброшены новой властью за ненадобностью, как это случилось с пассажирами знаменитого «философского парохода» в 1922 году. Большая часть осела в Европе, поближе к Родине, не теряя надежды на возвращение. И только некоторые, решительно отказавшись от иллюзий, приняли нелегкое решение кардинально изменить свою жизнь, обосноваться за океаном.

Среди российских ученых-иммигрантов в США было несколько крупных историков и социологов, обосновавшихся в ведущих американских университетах: Михаил Ростовцев (Висконсинский, Йельский университеты), Михаил Флоринский (Колумбийский университет), Михаил Карпович (Гарвард), Георгий Вернадский (Йельский университет), Питирим Сорокин (университет Миннесоты, затем Гарвард)¹.

По сравнению с русскими эмигрантами в Европе, в США жизнь и карьера складывались не плохо. Они получили профессорские должности в престижных университетах, иногда даже возглавив кафедры и факультеты (М. Карпович, П. Сорокин), издавали профессиональные журналы, активно занимались научными исследованиями. Как правило, русские ученые-иммигранты приезжали в США по приглашению авторитетных представителей американского научного сообщества. Это обеспечивало им благоприятные стартовые условия, но, разумеется, не гарантировало успешной карьеры в будущем. Нужно было много и упорно работать, чтобы приобрести высокий статус в американских научных кругах, а затем постоянно поддерживать его. Американская карьера выдающегося российского социолога Питирима Александровича Сорокина красноречиво свидетельствует о тех сложностях, с которыми пришлось столкнуться российским ученым в процессе интеграции в американское научное сообщество.

О Питириме Сорокине до начала 1990-х годов большинство россиян знали только по статье Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Ненамного большее внимание уделялось ему и в США, где он никогда не был слишком популярен. Настоящий «ренессанс Сорокина» начался в России и, в несколько меньшей степени, в США в последнее десятилетие XX века. В России, где труды Сорокина не издавались в течение 70 лет, впервые опубликованы или переизданы многие его работы как российского, так и американского периода². За десятилетие в России, Европе и США появилось более сотни исследований о Сорокине, защищены десятки диссертаций³. Тем самым признается глобальное значение его идей в долговременной перспективе. До сих пор, правда, основную часть этой литературы, по крайней мере, в России, составляют небольшие статьи общего характе-

Некрасов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета.

ра, предисловия к публикациям сочинений Сорокина, а также тексты разного рода «юбилейных» докладов «апологетического» содержания. Значительный комплекс исследований о Сорокине — это работы о различных аспектах его теории. Именно такие исследования преобладают на Западе.

Среди немногих исторических исследований о П.А. Сорокине следует особо выделить его биографию, написанную профессором университета И. Барри Джонстоном, а также статьи и книгу И. Голосенко о российском периоде жизни Сорокина. В ряде статей уделяется внимание сложным взаимоотношениям Сорокина с его коллегами в Гарварде и руководством Гарвардского университета, а также с американской социологией в целом ⁴. К сожалению, русский перевод блестящей статьи Б. Джонстона «Сорокин и Парсонс в Гарварде» выполнен из рук вон плохо ⁵. Следует также отметить, что Джонстон вольно или невольно сводит большую часть проблем, с которыми столкнулся П. Сорокин в Гарварде, к конфликту с Толкотом Парсонсом, что несколько упрощает данную проблему, хотя данный конфликт сам по себе сыграл значительную роль в закате университетской карьеры Сорокина.

Рассмотреть взаимоотношения Сорокина с его американскими коллегами в более общем плане попытался в ряде своих исследований Л. Николс, который значительное внимание уделяет психологическим особенностям приспособления Сорокина к американской академической среде. Весь период жизни Сорокина в США он разделяет на шесть этапов, в зависимости от роста или падения его научного авторитета: 1) 1924 — 1930гг. — начало творческого роста; 2) 1930 — 1936гг. — наивысший подъем в карьере Сорокина; 3) 1937 — 1942гг. — отчуждение от американского социологического сообщества; 4) 1943 — 1947гг. — падение авторитета Сорокина; 5) 1948 — 1962гг. — забвение; 6) 1963 — 1968гг. — возрождение и возвращение Сорокина в американскую социологию ⁶. Научная карьера Сорокина представлена в виде циклов, серии позитивных и негативных «девиаций». Соответственно, главное внимание уделяется отношению американского научного сообщества к Сорокину, а его идеи и вклад в развитие американской и мировой социологии не рассматриваются. До сих пор не было предпринято попытки дать целостное представление об американском периоде жизни Сорокина, подобно тому, как это сделал Голосенко в отношении российского периода его жизни и деятельности.

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) был одним из лидеров партии эсеров, в 1917 г. он личный секретарь А.Ф. Керенского. С 1918 г. преподавал в Петроградском университете. Был выслан из России в сентябре 1922 г. вместе с большой группой ученых и писателей. Из Германии переехал в Прагу, где провел около года, успев издать брошюру и несколько статей о положении в России ⁷. В конце 1923 г., получив приглашение от видных американских социологов Э. Хэйса и Э. Росса, Сорокин выехал в США для чтения лекций в Иллинойском и Висконсинском университетах.

Сорокин прибыл в Америку в возрасте 34 лет, будучи уже признанным и в России, и в Европе социологом, автором нескольких книг и множества статей. В США, напротив, он был почти никому не известен. Его прошлые научные заслуги никого не интересовали, приходилось все начинать сначала. В этом смысле положение Сорокина, как и других русских ученых-иммигрантов в США, было в чем-то похоже на условия жизни ученых-гуманитариев, оставшихся в Советской России. И здесь нет никакого преувеличения. У Сорокина в Америке не было ни постоянной работы, ни денег, ни жилья. Он проживал то у своего друга Алексея Вирена, то в кампусе Вассар-колледжа ⁸. К тому же, по собственному его признанию, он еще недостаточно владел английским языком, что, естественно, осложняло возможности профессиональной деятельности. Тем не менее, он вел активную переписку с американскими коллегами, старался использовать любую возможность для чтения лекций — как в университетах и колледжах, так и для публики. Он устанавливает контакты с профессором Чикагского университета С. Харпером, предложив прочитать курс лекций о русской революции. Обращает на себя внимание то достоинство, с которым держится Сорокин. Будучи безукоризненно корректен в общении с американскими коллегами, он достаточно тверд, когда речь заходит о содержании лекций. Определенная зависимость от работодателей не мешает Сорокину честно высказывать свое мнение при освещении российской ситуации в американских публикациях: «... за немногим исключением (так в тексте. — А.Н.) ... большинство иностранцев, пишущих о России, едва ли могут избежать ошибок». Он неоднократно подчеркивал научный, а не пропагандистский характер своих лекций, настойчиво давая понять, что желает дать в них социологический анализ русской революции, а не поведать в очередной раз о ее «ужасах» ⁹. Разумеется, и об «ужасах» было сказано немало, что вызывало неодобрение прокоммунистически настроенных слушателей ¹⁰.

Благодаря своей активности, П. Сорокину удалось привлечь к себе внимание именно как к социологу. В 1924 г. он получает должность профессора социологии в университете шт. Миннесота, далеко не самом престижном в США, но обеспечившем Сорокину благоприятные условия для работы. Трудно сказать, как развивалась бы дальнейшая карьера Сорокина, попади он сразу в Гарвард,

с его атмосферой высокомерия и холодно-соревновательного отношения между коллегами. В университете Миннесоты же он встретил теплый прием, дружелюбие, вообще характерные для американской глубинки. Это было весьма существенно для Сорокина в период его социально-культурной адаптации в Америке. В этом университете он провел шесть лет. Здесь было написано несколько важных работ, часть которых представляла собой систематизацию личного опыта и прежних исследований Сорокина («Листки из русского дневника», 1924г.; «Социология революции», 1925г.); другие же — «Социальная мобильность» (1927г.), «Основы городской и сельской социологии» (1929г.), трехтомная хрестоматия «Систематическая антология сельской социологии» (1930—1932гг.), подготовленная им совместно с К. Циммерманом и Ч. Гэлпином, — были эмпирическими исследованиями, выполненными полностью или частично на американском материале. «Социальная мобильность» была встречена в основном восторженными откликами. Это была первая работа Сорокина, принесшая ему мировую славу, не говоря уже о США. В ней он предпринял глубокое исследование социально-экономической и политической стратификации общества, а также основных каналов вертикальной социальной мобильности, таких как армия, церковь, семья, школа, политические и профессиональные организации¹¹. Уже в этой книге, а также в некоторых одновременно с ней опубликованных статьях Сорокин наметил контуры своей циклической теории мировой истории, развернутой десятилетие спустя в четырехтомном главном труде его жизни — «Социальная и культурная динамика».

Почти так же хорошо читатели встретили следующую книгу Сорокина — «Современные социологические теории»¹², особенно ценную для американцев благодаря тому, что она давала достаточно полное представление о европейской социологии, прежде всего российской и восточно-европейской, почти совершенно не известных в США. Таким образом, к концу 1920-х годов П.А. Сорокин получил в США признание в качестве социолога. Его статьи широко обсуждаются в социологической периодике, по его монографиям и учебникам учатся студенты, его труды переводятся на иностранные языки.

Однако, как бы успешно ни складывалась поначалу его американская карьера, перспектива провести всю оставшуюся жизнь в Миннесоте не прельщала Сорокина. Поэтому он с готовностью и, по-видимому, без особых колебаний принял приглашение возглавить кафедру социологии в Гарварде. Это приглашение поступило ему в 1929 году. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в Миннесотском университете у него была весьма скромная зарплата, а также отсутствовали средства на научные исследования. На эти цели за шесть лет Сорокин получил от университета всего 12 долларов 45 центов!¹³. Этого, конечно, не хватало на то, чтобы подготовить задуманный им фундаментальный труд о социокультурной динамике, работа над которым требовала привлечения десятков ассистентов.

Разумеется, Сорокин не мог не понимать, что его решение принять приглашение из Гарварда означает вызов всей американской академической элите. Гарвардский университет в то время, как, впрочем, и другие университеты Лиги плюща, был оплотом консерватизма. Получить там академическую должность было весьма заманчиво, но в то же время и невероятно трудно. Соискатели таких должностей рады были зацепиться в Гарварде любым путем, медленно, иногда в течение 20—30 лет, продвигаясь от инструктора или ассистента до полного профессора. Одним из обязательных условий такой карьеры была стопроцентная политическая лояльность и преклонение перед местными авторитетами. Ученые, не удовлетворявшие этим критериям, будь они хоть семи пядей во лбу, зачастую вынуждены были покидать Гарвард, не видя никаких перспектив на продвижение по службе (как, например, выдающийся экономист, теоретик «нового индустриального общества» Гэлбрейт, историк и социолог З. Даймонд). К тому же гарвардская атмосфера была заражена ксенофобией и антисемитизмом¹⁴.

Иностранцу, обладающему далеко не идеальным английским произношением, приглашенному в Гарвард сразу же на профессорскую должность, трудно было рассчитывать на доброжелательный прием. Тем более, что Сорокину предстояло создать факультет социологии (вместо поначалу планируемой кафедры), а значит, активно участвовать в решении кадровых вопросов. Неизбежны были обиды, ревность и зависть коллег. Сорокин и сам, по-видимому, был удивлен таким оборотом дел. Чтобы убедиться, что его приглашение не является простым недоразумением, он съездил в 1929 г. в Гарвард «на разведку», и только после этого принял приглашение. К 1931/1932 учебному году факультет социологии в Гарварде был создан, и Сорокин оставался его руководителем до 1944 г., несмотря на все сложности и интриги.

С момента своего приезда в Америку Питирим Сорокин старался максимально интегрироваться в местную академическую среду, сохраняя одновременно полную интеллектуальную независимость. Большинство биографов Сорокина осторожно намекают, что он шел «не в ногу» с американской

социологией. Точнее было бы сказать, что Питирим Александрович шел всегда, или, как правило, против основного течения, как в науке, так и в политике, что, разумеется, создавало для него массу проблем. Но иначе он просто не мог.

Одной из серьезных проблем для Питирима Сорокина, профессора одного из престижнейших в Америке университетов, был английский язык. Все свои научные работы в США он писал исключительно по-английски, и в устной речи, и в переписке старался использовать английский, где только было возможно. В течение первого года пребывания в США он достаточно хорошо освоил английский язык, чтобы преподавать в университете, хотя до конца жизни так и не избавился от русского акцента. К концу жизни, после сорока лет пребывания в Америке, Сорокину легче было изъясняться по-английски, чем по-русски. Его русский в то время был уже не вполне правильным, смешанным с образцами дореволюционной лексики («нового», «добрыя» и т. п.) и большим количеством англицизмов¹⁵. Сорокин и детей своих старался воспитать стопроцентными американцами. Один из его сыновей, Сергей, вспоминает, как обеспокоился отец, получив от школьной учительницы известие о легком иностранном акценте, замеченном ею у Сергея и его старшего брата Петра. После этого инцидента Питирим Сорокин вообще перестал учить детей русскому языку, который до этого случая они изучали дома как иностранный. В то же время Питирим Александрович усиленно приобщал детей к русской культуре, особенно к музыке, много рассказывал им и о своей «малой Родине» — Коми. У Сорокина была прекрасная фонотека с записями русской и европейской классики, среди его многочисленных друзей в США были известный русский дирижер С. Кусевицкий, познакомивший Сорокина с С. Рахманиновым и Ф. Шаляпиным, историк М. Ростовцев, социолог Н.С. Тимашев¹⁶.

К концу жизни Питирим Сорокин вряд ли и сам мог уверенно определить свою национальную идентичность, однако его принадлежность к русской культуре в не меньшей степени, чем к американской, сомнений не вызывает. Ностальгия Сорокина в последние годы его жизни буквально бросается в глаза. В письме советскому философу В.А. Карпушину от 21 марта 1966 г. он дважды, в начале и в конце письма, благодарит за присланный ему альбом И.И. Левитана, подчеркнув, что Левитан — его любимый пейзажист. В следующем письме, написанном спустя полтора месяца, он повторяет слова благодарности за тот же левитановский альбом¹⁷. Дело здесь, конечно, было не столько в Левитане, сколько в ощущении связи Сорокина со своей Родиной.

Но Сорокин уже не принадлежал только России или Америке, он мыслит глобальными категориями, его труды переводятся на все основные языки мира, он ведет переписку и сотрудничает с учеными Европы, Азии, Латинской Америки, он — ученый мирового уровня. Не случайно корреспонденты журнала «Newsweek», интервьюировавшие Сорокина в 1964 г. в связи с его избранием президентом Американской социологической ассоциации, отмечали, что характер Сорокина в его 75 лет все еще «удивительно космополитичен и своим «спокойствием» напоминает тайфун»¹⁸.

«Тайфунообразному» характеру Питирима Сорокина, его чисто русской широте интересов и склонности к научной смелости, даже некоторому анархизму, разумеется претил исключительный прагматизм и позитивизм коллег, укладывавшийся в несколько несложных правил: «ученый не должен увлекаться отвлеченными идеями», «ценность научного исследования определяется возможностью практического применения его результатов», «чти начальство, уважай авторитеты», «не высывайся», «все на свете можно сосчитать» и т. д. Сорокин, сам начинавший путь в науке как убежденный позитивист, «ненавистник философии», полагавший, что «правильно построенная диаграмма ценнее любого социально-философского трактата»¹⁹, к 1930-м годам в основном преодолел крайности позитивизма и называл увлечение количественными методами исследования «квантоманией» и «квантофренией». Оппоненты, разумеется, в долгу не оставались, именую Сорокина «алхимиком», «астрологом», «христианским анархистом», а его теорию — «ненаучной» и «несоциологичной»²⁰.

Сейчас, когда многие американские коллеги, вслед за его ближайшим другом и единомышленником К. Циммерманом, признали, наконец, Сорокина, «величайшим социологом мира» или «величайшим социологом XX века»²¹, до сих пор в оценке его теории исходят из того, насколько ее можно проверить экспериментальным путем. Так, в книге «Сорокин и цивилизация» социологи Дж. Хиллери, С. Мид и Р. Тернер попытались построить графики и проверить с помощью статистических выкладок прогнозы Сорокина о развитии западной цивилизации, такие как «рост уровня преступности», «рост бездуховности общества», «усиление чувства страха и отчаяния», «распад семьи» и т. д. Проанализировав пять из тринадцати сорокинских предсказаний, сделанных в четвертом томе его «Социальной и культурной динамики» (1941 г.), они пришли к выводу, что только два из них полностью подтвердились. Признавая, что далеко не все тенденции в развитии культуры можно проверить экспериментальным путем, а также то, что 50-летний период слишком мал, чтобы подтвердить или опровергнуть тенденции долговременного развития, они, тем не менее,

пришли к заключению, что будущие исследования позволят точнее определить ценность или бесполезность теории Сорокина²².

Подобный «инструменталистский» подход к оценке научных достижений нередко применяется в США и до сих пор, и не только в отношении сорокинской теории. Так, в начале 1990-х годов, когда в США развернулась бурная дискуссия о советологии как науке, многие ее оппоненты полностью отрицали научную ценность этой дисциплины в связи с ее неспособностью заблаговременно предсказать крах коммунизма в СССР!

В Гарварде у Сорокина почти не было друзей, за исключением Циммермана, оставшегося таковым на протяжении 44 лет. Большинство коллег относились к Сорокину либо безразлично, либо с явной неприязнью. Среди противников его следует особо упомянуть известного американского социолога Т. Парсонса. Российский социолог Д. Липский в примечаниях к воспоминаниям Сорокина называет Парсонса самым выдающимся социологом второй половины XX века и в разжигании конфликта между двумя учеными однозначно обвиняет Сорокина. Факты, однако, этого не подтверждают. Сорокин, действительно, бывал крайне резок и язвителен в критике трудов своих коллег. Он не страдал от недостатка самоуверенности, относясь к своим работам недостаточно критично (хотя в целом ряде случаев его «саморекламное» было вынужденным, рассчитанным на то, чтобы самоутвердиться в чужой стране и достаточно агрессивном окружении). Однако, никто и никогда, включая и оппонентов, не упрекал его в закулисных интригах и злопамятстве.

Парсонс в своих воспоминаниях намекает на неблагоприятную роль Сорокина в сдерживании своей карьеры²³. Но именно Сорокин пригласил в 1931 г. Парсонса на свой факультет с факультета экономики, где тот «прозябал» 4 года на должности инструктора. Эту же должность, однако, Парсонс занимал и на факультете социологии до 1936 года. Едва ли стоит винить в этом Сорокина, как это делает Парсонс, поскольку «раздача» должностей не была всецело в его компетенции. К тому же, в 1936 г. Парсонс все-таки получил должность ассистента (и, как он сам пишет, «с согласия Сорокина») с твердым обещанием должности профессора через два года. Да и мотивов для предвзятого отношения к своему молодому коллеге у Сорокина не было. Абсурдно было бы полагать, что маститый профессор, автор десятка монографий, завидовал ничем еще себя не проявившему молодому инструктору (впрочем, не такому уж молодому, ведь в 1936 г. Парсонсу «стукнуло» уже 34 года). Он был обременен семьей, имел троих детей, и его заработка, естественно, не хватало для нормальной жизни. Все эти проблемы, видимо, и побудили Парсонса вместе со своими единомышленниками развернуть закулисную борьбу против Сорокина.

В архиве Гарвардского университета, среди писем Парсонса, относящихся к 1938—1940 гг., мне попался один из доносов на Сорокина, адресованный администрации университета. Донос этот не подписан и не датирован. Несмотря на то, что документ находится в архивном фонде Парсонса, авторство последнего вызывает серьезные сомнения. Во-первых, донос написан от имени инструктора, ведущего семинары «за профессором Сорокиным», а сам Парсонс упоминается в третьем лице. Во-вторых, он в то время был уже не инструктором, а ассистентом. Вполне возможно, что это был плод коллективного творчества аспирантов и молодых преподавателей, близких Парсонсу, которые регулярно собирались вместе для неформального обсуждения различных научных проблем. Парсонс обладал талантом привлекать к себе факультетскую молодежь, ведь с ним можно было спорить на равных, что едва ли было возможно с Сорокиным. Поэтому даже некоторые его ученики, такие, как Р. Мертон, признавая достоинства Сорокина и его вклад в социологию, тянулись к Т. Парсонсу²⁴. Не случайно в историко-социологической литературе Мертона часто называют учеником Парсонса, хотя сам он считал своим учителем Сорокина. В любом случае, кто бы ни был автором документа, он представлял интересы Парсонса в соперничестве с Сорокиным, следовательно, не мог действовать без ведома первого.

В доносе тщательно, на четырех страницах, перечислены все мелкие «грехи» Сорокина: либерализм в выставлении оценок, неправильный отбор студентов и аспирантов для своего лекционного курса, неадекватное содержание курса «Введение в социологию», читаемого Сорокиным и т.п. В доносе приводятся фразы Сорокина о конкретных студентах, произнесенные в определенных ситуациях, а это значит, что все сказанное Сорокиным мимоходом, в частных разговорах с коллегами, даже в шутку, записывалось, обобщалось, и таким образом накапливался необходимый «компромат». К «делу» были «приобщены» и жалобы некоторых студентов на чтение лекций Сорокиным, хотя как лектор он был весьма популярен, что признает и автор доноса, упрекнув, правда, Сорокина в том, что тот добивается дешевой популярности с помощью огульной критики работ других социологов. Все это свидетельствует о продуманности и тщательной подготовке текста доноса, составленного с определенной целью. Цель эта содержится в выводе документа: «Поправить положение дел на факультете можно не иначе, как отстранив профессора Сорокина от чтения курса»²⁵.

В этом же отношении представляет интерес переписка Т. Парсонса с историком К. Бринтоном в 1939 г. по поводу статьи последнего о современной социологии²⁶. Статья, выдержанная в пессимистическом тоне, повествует о кризисе социологии, якобы маскирующей свои весьма тривиальные идеи с помощью усложненного языка. «Читатель устал, — сетует автор, — от слов типа «функциональный», «континуум», «квантификация», «аккультурация» и т. п.». «Разумеется, профессиональный язык необходим социологии так же, как математике или химии, — соглашается далее Бринтон. — Однако социологи буквально из кожи вон лезут, избобретая излишне сложный жаргон, и делают это отчасти в целях защиты от критики (ведь невозможно критиковать то, что не вполне понятно); отчасти по тем же причинам, по которым люди вступают в тайные общества, чтобы вращаться в привилегированном кругу обладателей «эзотерического знания»²⁷. (Здесь на полях письма Бринтона находится пометка, сделанная Парсонсом: «Он уже на пути к этому», относящаяся к Сорокину.) В качестве примеров использования такого языка перечисляются «Социальная и культурная динамика» Сорокина, исследования некоего социолога Линда, «почти все работы социальных психологов и ученых со странным названием «специалисты в сфере образования».

Упрекая Бринтона в излишнем пессимизме, Парсонс утверждает: «Нельзя сказать, что в современной американской социологии доминируют ученые типа Сорокина или Линда, что им нет альтернативы. Я согласен допустить, что социологи, работающие на самом высоком научном уровне, находятся в меньшинстве. Однако, это меньшинство — все-таки очень значительное, все более задающее тон, а не просто заглаженное в угол, как можно заключить из Вашей статьи. ... Нам нужны не «великие люди», а достаточное число высококомпетентных людей»²⁸.

Все эти обстоятельства очень осложняли жизнь Сорокина в Гарварде, но не смогли воспрепятствовать его плодотворной творческой деятельности. В то самое время, когда интриги против ученого достигли наивысшего накала, он завершил свой главный труд — четырехтомную «Социальную и культурную динамику», вышедшую в свет с 1937 по 1941 годы. В 1941 г. выходит его небольшая популярная, но в высшей степени влиятельная работа — «Кризис нашего времени», а в 1944 г. — первое издание книги «Россия и Соединенные Штаты».

Поставив в «Кризисе нашего времени» диагноз современному западному обществу (за 25 лет до «новых левых!»), Сорокин начинает искать пути выхода из этого кризиса. Собственно, теоретически эти способы уже были сформулированы, как в этой работе, так и в «Социальной и культурной динамике»: культивирование позитивных ценностей и противостояние разлагающим душу соблазнам современной цивилизации. Разумеется, все эти прогнозы и душеспасительные призывы Сорокина казались большинству читателей смешными и наивными, а автор приобрел славу полусумасшедшего моралиста, человека «не от мира сего». Сам он, однако, безоговорочно верил в практическую осуществимость своих рекомендаций. И не он один. В 1948 г. глава крупной фармацевтической компании, меценат и историк-любитель Э. Лилли, прочитав труды Сорокина и вдохновившись его идеями, выделяет ученому грант в размере 100 тысяч долларов на 5 лет (огромные по тем временам деньги!) для создания собственного научного центра. Центр этот, получивший название Гарвардского исследовательского центра по проблемам созидательного альтруизма, стал как бы своеобразным ответом на образование знаменитого Русского исследовательского центра, крайне политизированного и опекаемого спецслужбами.

Здесь само собой возникает вопрос о том, почему для руководства Русским исследовательским центром был приглашен специалист по индейскому племени навахо К. Клухон, не знавший ни русского языка, ни русской культуры, в то время как в Гарварде имелось несколько крупных русских ученых (М. Карпович, П. Сорокин, В. Леонтьев), из которых двое последних имели солидный международный авторитет в научном мире, а двое первых — опыт административной работы, создав соответственно факультеты славяноведения и социологии. Учитывая эти обстоятельства, можно предположить, что Сорокин мог бы стать, по крайней мере, одним из первоочередных кандидатов на этот пост. Не известно, рассматривалась ли всерьез его кандидатура, а также проявлял ли он сам инициативу в этом направлении. Сорокин не упоминает об этом в своих воспоминаниях. Его сын Сергей утверждает, что Питирим Александрович не только не добивался этой должности, но и категорически отказывался от нее, как, впрочем, и от любой административной работы, не желая отвлекаться от творчества. У нас нет никаких оснований сомневаться в справедливости этого утверждения, тем более, что оно косвенно подтверждается самим Сорокиным. Пять лет спустя, в письме некоему Дж. Кратчфилду, имевшему, судя по содержанию письма, отношение к американским политическим кругам, социолог заметил: «Учитывая мое русское происхождение, я намеренно воздерживался от попыток получить должность государственного служащего»²⁹. Да и наивно было бы рассчитывать на то, что четыре года спустя после поражения Сорокина в борьбе за социологический факультет он мог надеяться на получение должности директора Русского исследовательско-

го центра, — должности, гораздо более «ответственной», чем глава факультета социологии. Понятно, что здесь инициатива и не могла исходить от Сорокина.

И все-таки возьму на себя смелость предположить, что Сорокин не отверг бы такого предложения, будь оно сделано. Дело в том, что до октября 1917 г. Питирим Александрович активно занимался не только научной, но и политической деятельностью. Эмиграция, казалось, навсегда оборвала для Сорокина возможность заниматься этим, но отнюдь не умерила его политический темперамент. Сорокин внимательно наблюдал за изменениями политической ситуации, и не только как социолог. Во время войны и в послевоенные годы все большее место в его творчестве занимает политическая публицистика. К ней следует отнести такие работы, как «Россия и Соединенные Штаты» (1944г.), «Американская сексуальная революция» (1956г.), «Власть и нравственность» (1959г.), «Взаимная конвергенция США и СССР к единому социо-культурному типу» (1960г.) и другие, не считая множества газетных и журнальных статей.

Идеи, высказанные в этих работах, особенно о возможности и желательности сближения между США и СССР, шли явно вразрез с политикой американского правительства. Из академического аутсайдера Сорокин все более превращался в аутсайдера политического. В наибольшей степени его беспокоила угроза новой мировой войны. В разгар холодной войны он не только переиздает свою книгу «Россия и Соединенные Штаты», где были намечены его «конвергенционистские» взгляды, но и пытается в какой-то степени реализовать свои идеи на практике. В уже цитированном выше письме Кратчфилду Сорокин в очередной раз ясно и недвусмысленно выражает свою политическую позицию. Заявив о категорическом неприятии коммунистических идей и перечислив свои заслуги в деле борьбы против большевистской идеологии и политики, Сорокин, тем не менее, подчеркивает (также и в буквальном смысле, в тексте письма), что «только мир и нормализация отношений могут разоружить и подорвать коммунизм и другие формы тоталитаризма, а не война и другие крайние меры». В целях содействия такой политике он предлагает свои услуги в качестве консультанта или в любой другой форме, однако, как пишет Сорокин, без «раскрытия мне каких-либо государственных тайн». Он даже готов, если необходимо, поехать в СССР в качестве консультанта американского правительства, несмотря на данную им в 1922 году подписку о невозвращении в Советскую Россию. Это заявление вполне можно считать актом гражданского мужества, поскольку оно было сделано всего три недели спустя после смерти Сталина, и никаких заметных изменений в политике советского руководства еще не наблюдалось. Учитывая судьбу многих «возвращенцев» 1930-х — 1940-х годов (Д. П. Святополк-Мирского, С. Я. Эфрона, Л.П. Карсавина и других), можно предположить, что Сорокину в СССР угрожала в то время серьезная опасность.

Этой же цели — поискам путей для предотвращения войн, укрепления мира и солидарности между народами разных стран — служило и основание Гарвардского центра по исследованию созидательного альтруизма. Сорокин серьезно задумывался над проведением исследований в области альтруизма и солидарности сразу после второй мировой войны, отложив их до завершения книги «Общество, культура и личность»³⁰. Созданный на средства Э. Лилли по инициативе Сорокина и президента Гарварда У. Конанта центр функционировал более 10 лет, с 1949 до начала 1960-х годов. Под эгидой центра было опубликовано несколько монографий Сорокина, а также сборники трудов, проводились конференции и симпозиумы³¹.

К сотрудничеству в нем Сорокину удалось привлечь многих известных ученых из разных стран: румынского религиоведа и культуролога Мирчу Элиаде, русского православного священника Антония (Блюма), парагвайского монаха-иезуита Эберхарда Арнольда, французского психолога, знатока дзен-буддизма Юбера Бенуа и других специалистов из Швейцарии, Индии, Вьетнама, Японии. Сотрудники центра изучали возможности культивирования любви и альтруизма в человеческом обществе, превращения враждебных отношений в дружественные, различные способы религиозного самосовершенствования, практикуемые в дзен-буддизме, суфизме, православии, католицизме, шаманизме.

С точки зрения обывательского здравого смысла и «нормальной» науки, создание такого центра было совершенно безумной идеей, самоубийственной для ученого, и давало очередной повод для иронии над Сорокиным и его «глупым» проектом. Его называли «философом любви», желая, видимо, подчеркнуть ненаучность исследований в области любви и альтруизма аналогией со столь же ненаучной «философией жизни». Сорокин, однако, мало внимания обращал на эти выпады, считая данную сферу исследований наиболее приоритетной, независимо от степени ее «научности».

Успешная деятельность центра привела в середине 1950-х годов к созданию Исследовательского общества по созидательному альтруизму, организационно независимого от Гарвардского центра. Общество провело конференцию по «человеческим ценностям» (*human values*) в октябре 1957 г. в Массачусеттском технологическом институте с участием таких знаменитостей, как

Э. Фромм, П. Тиллих, Х. Моргентау, но «не смогло реализовать свои замыслы и после нескольких лет тихого существования так же тихо скончалось». «Господствующий во всем мире климат нетерпимости и вражды между людьми из-за их личного или группового эгоизма, — с горечью заметил Сорокин, — оказался совершенно непригодным для возделывания прекрасного сада бескорыстной, созидательной любви»³².

Нельзя не отдать здесь должного Сорокину и как ученому, и как в высшей степени проницательному мыслителю, ставшему в истории рядом с Л. Толстым, М. Ганди, М. Л. Кингом, А. Швейцером. Он был отнюдь не наивным мечтателем, в чем его часто упрекали, а человеком, искренне озабоченным будущим мировой цивилизации, стоящей, по его мнению, перед многими серьезными опасностями и, главное, перед опасностью самоуничтожения. Сейчас часто пишут о «грозных» и «великих» пророчествах Сорокина. Независимо от того, считать ли его «новым Нострадамусом» или нет, нельзя не поразиться, особенно с учетом нынешних событий в мире, точности его предвидения. «Даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми с соседями, чем автократические режимы. Ни Организация Объединенных Наций, ни мировое правительство не способны дать длительного мира, международного и внутри отдельных стран, если только образование этих органов не будет подкреплено значительным увеличением альтруизма отдельных личностей, групп, институтов и культур»³³.

В 1959 г., по достижении семидесяти лет, предельного возраста для должности профессора в Гарварде, П.А. Сорокин ушел на пенсию. С этого времени (с 1963 г., согласно периодизации Л. Николса) в США начинается возрождение интереса к идеям Сорокина и повышение его научного и социального статуса. В 1963 г. вышли два сборника статей, посвященных Сорокину, с участием не только его друзей и учеников, но и бывших оппонентов, в том числе Т. Парсонса и А. Тойнби³⁴. Тем самым состоялось и формальное примирение П. Сорокина с его главным противником и конкурентом — Парсонсом, который вновь стал бывать у Сорокина дома. На 1965 г. Сорокин с большим опозданием, по мнению многих его коллег, был избран президентом Американской социологической ассоциации, после того, как этот пост последовательно занимали несколько его учеников.

Это был триумф Сорокина. Казалось бы, он утвердился в общественном мнении как США, так и Европы в качестве американского социолога. Однако, вряд ли этому полностью соответствовала самоидентификация Сорокина. Именно в это время он все сильнее ощущает тоску по России. Он охотно встречается с советскими социологами, вступает с ними в переписку, в частности с И.С. Коном, посылает им свои книги. Питирим Александрович очень болезненно воспринимал свою неизвестность в Советском Союзе. «Пока что 50 переводов моих томов на все главные языки опубликовано и ряд дальнейших переводов готовится к печати, но до сих пор ни один из моих томов не переведен на Русский язык, — жалуется Сорокин в письме заместителю председателя научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры» В.А. Карпушину, — (тогда как книги моих учеников ... или коллег... переведены, хотя они являются более «буржуазными» и консервативными чем мои идеологии и теории)»³⁵. Судя по воспоминаниям Сергея Питиримовича Сорокина, его родители всерьез намеревались посетить Советский Союз, но по ряду причин (в частности из-за плохого состояния здоровья Питирима Александровича) этому не суждено было осуществиться³⁶. Не было также осуществлено и запланированное издание одной из книг Сорокина в СССР.

Так в чем же основная заслуга П.А. Сорокина? Ответы на этот вопрос могут быть самыми разными, и это справедливо. К ученому такого масштаба неприменимы однозначные оценки. К сожалению, многие авторы, пишущие о Сорокине, приклеивают к нему ярлык «великого пророка», подбирая в доказательство из его трудов примеры подтвердившихся «пророчеств». Сам себя, однако, он таковым не считал, да и не все его прогнозы со временем подтвердились. Так, в 1967 г. он весьма оптимистично оценивал перспективы развития СССР: «Если не будет развязана новая мировая война, то не приходится сомневаться в том, что Советский Союз, по-прежнему ведомый русской нацией, может с надеждой смотреть в будущее. Он успешно преодолел «ужас разорения», причиненный мировыми войнами и гражданской войной, сумел стать конструктивным лидером среди других наций и, вероятно, будет продолжать свою ведущую роль в течение будущих десятилетий, а возможно и столетий»³⁷. Однако, вряд ли стоит упрекать Сорокина в этих ошибках, ведь прогнозы не являются и не могут являться основной задачей ученого и науки в целом.

Значение творчества Сорокина для современной науки и культуры точно выразил Д. Липский: «Концепция Сорокина самодостаточна, т. е. содержит в себе ответы на все вопросы, которые мы в состоянии поставить перед собой сегодня и в относительно недалеком будущем. Это не означает, что концепция содержит готовые ответы на все случаи жизни. Она дает больше — метод анализа

социальных явлений и инструмент для уменьшения прогностической неопределенности. Для современной науки концепция Сорокина как костюмчик на вырост: знаем, что есть, но когда еще станет впору!»³⁸.

Примечания

Выражаю глубокую благодарность Сергею Питиримовичу Сорокину за беседы и ценные материалы о П.А. Сорокине, предоставленные им в мое распоряжение, а также профессору Э. Джонсу (Гарвард) и Л. Давыдову (Национальная библиотека Республики Коми) за копии документов из архива П.А. Сорокина в Саскачеванском университете (Канада) и другую многообразную помощь в подготовке этой статьи. Благодарю также организацию ACTR/ACCELS за предоставленный ею грант для исследований в США и сотрудников архива Гарвардского университета за разрешение пользоваться документами архива.

1. НИТОБУРГ Э.Л. Вклад русской иммиграции в науку, технику, культуру США. — США-Канада: экономика, политика, культура. 2002, № 10.
2. СОРОКИН П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М. 1992; его же. Главные тенденции нашего времени. М. 1997; его же. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб. 1999; его же. Социальная и культурная динамика. СПб. 2000 и др.
3. Sorokin and Civilization: A Centennial Assessment. New Brunswick. 1995; JOHNSTON B.V. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence. 1995; ГОЛОСЕНКО И.А. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. Самара. 1992; ЯКОВЕЦ Ю.В. Великие прозрения Питирима Сорокина и глобальные тенденции XXI века. М. 1998 и др.
4. TALBUTT P. Sorokin versus American Thought. — Sociologia Internationalis. 1980. Vol. 18. № 1—2; JOHNSTON B.V. Sorokin and Parsons at Harvard: Institutional Conflict and the Origin of Hegemonic Tradition. — Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1986, № 22; NICHOLS L. Sorokin and American Sociology: The Dynamics of a Moral Career in Science. — Sorokin and Civilization: A Centennial Assessment.
5. ДЖОНСТОН Б. Сорокин и Парсонс в Гарварде: институционный конфликт и происхождение ведущей традиции. — Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 1995, № 2—3.
6. NICHOLS L. Op. cit.
7. См., например: СОРОКИН П. Современное состояние России. Прага. 1922.
8. СОРОКИН П. А. Дальняя дорога, с. 151—152, 156.
9. Эпистолярное наследие П. Сорокина (переписка с С. Харпером). — Социс., 1996, № 1, с. 119—133.
10. СОРОКИН П.А. Дальняя дорога, с. 154.
11. См.: СОРОКИН П.А. Человек, цивилизация, общество. М. 1992, с. 297—424.
12. SOROKIN P. Contemporary Sociological Theories. N.Y., Lnd. 1928.
13. СОРОКИН П.А. Дальняя дорога, с. 161.
14. См.: ГЭЛБРЕЙТ Д.К. Жизнь в наше время. Воспоминания. М. 1986, с. 53—56; NOVICK P. That Noble Dream. The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge. 1988, p. 172—174, 338—341.
15. См. Письма П. Сорокина в научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры». — Социологические исследования, 1987, № 5, с. 132—136.
16. SOROKIN S. P. Family Life with Pitirim Sorokin, p. 1, 3 (Архив автора).
17. Письма П. Сорокина в научный совет АН СССР, с. 133—134.
18. SOROKIN S. P. Family Life with Pitirim Sorokin, p. 19 n.
19. СОРОКИН П. А. Дальняя дорога, с. 252—253.
20. Sorokin and Civilization, p. 201.
21. ZIMMERMAN C. C. Sorokin, the World's Greatest Sociologist. Saskatoon. 1968.
22. Sorokin and Civilization, p. 182—186.
23. ПАРСОНС Т. Система современных обществ. М. 1997, с. 214.
24. МЕРТОН Р. Фрагменты из воспоминаний. — Социологические исследования, 1992, № 10, с. 128—132.
25. Harvard University Archives. T. Parsons. Correspondence and Related Papers, 1923 — 1940. Box 2. Departmental Correspondence, c. 1938—1940. Report on Sociology A. P. 4.
26. BRINTON C. What's the Matter with Sociology? — The Saturday Review of Literature, May 6, 1939.
27. Ibid. Что сказал бы Бринтон в таком случае о современном постмодернистском жаргоне? По сравнению с «дискурсивными практиками» и «интертекстуальностью» термины, упомянутые в статье Бринтона, выглядят детскими игрушками! Кстати, большинство этих терминов не характерно для стиля Сорокина. Если он их и упоминал, то скорее в критическом смысле. Все это больше напоминает лексику Парсонса, именно он числился среди основоположников «структурно-функциональной» теории общества. Не удивительно, что он так резко отреагировал на статью Бринтона.

28. Harvard University Archives, T. Parsons. Correspondence, 1939. Parsons to Brinton, July 11, 1939.
29. Saskatchewan University Archives (Canada). Sorokin Special Collection (PAS). Sorokin to J.S. Crutchfield, March 24, 1953.
30. SOROKIN P.A. Society, Culture and Personality, Their Structure and Dynamics: A System of General Sociology. N.Y. 1947.
31. SOROKIN P.A. The Reconstruction of Humanity. Boston. 1948; ejusd. Altruistic Love: A Study of American «Good Neighbours» and Christian Saints. Boston. 1950; ejusd. The Ways and Power of Love. Types, Factors and Techniques of Moral Transformation. Boston. 1954; ejusd. The American Sex Revolution. Boston. 1956; Explorations in Altruistic Love and Behavior: A Symposium. Boston. 1950; Forms and Techniques of Altruistic and Spiritual Growth: A Symposium. Boston. 1954; Studies of Harvard Research Center in Creative Altruism. Boston. 1956.
32. Сорокин П.А. Дальняя дорога, с. 213.
33. Там же, с. 195.
34. Pitirim A. Sorokin in Review. Durham. 1963; Sociocultural Theory, Values and Sociocultural Change: Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin. N.Y. 1963.
35. Письма П. Сорокина в научный совет АН СССР. — Социологические исследования, 1987, № 5, с. 134 (Орфография и пунктуация письма сохранены без изменений. — А.Н.).
36. SOROKIN S. Op. cit., p. 16.
37. СОРОКИН П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии. — О России и русской философской культуре. М. 1990, с. 488
38. СОРОКИН П. А. Дальняя дорога, с. 296—297.

В.В. СЕДОВ. Славяне: историко-археологическое исследование. М. Языки славянской культуры. 2002. 622 с.

Фундаментальная монография академика В.В. Седова рассматривает весь комплекс проблем истории славян с I тыс. до н. э. до раннего средневековья, то есть от их выделения из древнеевропейской общности и до образования государств и формирования этнического самосознания отдельных славянских этносов (процесс прослежен до XIV в.). Автор подводит своего рода итог бурному развитию в последние десятилетия знаний о древних славянах и взаимодействовавших с ними народах. Книга — важный этап развития представлений автора о раннеславянской общности в контексте истории относительно автохтонных и пришлых народов Европы, отраженных в сотнях статей и целом ряде монографий¹. С учетом новых сведений в труде дан весьма подробный и объективный очерк происхождения славянских культур и их раннего распространения.

В исследовании использованы все доступные источники: памятники письменности, данные языкознания, в меньшей мере антропологии и этнографии, но главным образом — колоссально расширившиеся материалы археологии. Сравнительно-историческая интерпретация данных археологии до сих пор во многом остается искусством; она лишь отчасти облегчается традицией систематизации памятников по археологическим культурам. Лишь квалифицированный специалист, обладающий большим опытом и чутко понимающий соответствующую практику,

может задавать археологическому материалу те обобщающие вопросы, которые нередко обходились авторами находок, отчетов и первичных исследований безбрежного археологического материала. В рецензируемой монографии проблемы археологии делаются доступными широкому кругу историков.

Метод познания ранней истории славян, как и других народов Европы, ретроспективен. Ученый выстраивает длинную цепь, связывающую характерные признаки археологических культур — от раннего средневековья вглубь веков до эпохи бронзы включительно. Поиск истоков славянского этноса приводит к средневропейской общности погребальных полей урн, с которой связаны также ранние древности исторических кельтов, иллирийцев, италийков и некоторых других этносов. Ориентируясь на потребности исторической науки в целом, автор прослеживает эти связи в прямой хронологической последовательности. Археологический материал определяет и другую особенность его метода: изучение связанных с генезисом этноса культур во всевозможном взаимодействии, вплоть до перекрытия и смешения их на одной территории и в конкретный период.

С высоты столетий Европа, представленная Седовым, напоминает бурлящий котел, в котором этносы перемещаются, смешиваются и растекаются один поверх другого (хотя, с точки зрения их участников, эти изменения не всегда